

Valentina Musij

Odeski Narodowy Uniwersytet im. Ilji Miecznikowa

ORCID: 0000-0002-9641-7753

ОДЕССА В ЛИТЕРАТУРНЫХ ЗАМЕТКАХ КОНСТАНТИНА АПОЛЛОНОВИЧА СКАЛЬКОВСКОГО

Константин Аполлонович Скальковский (1843–1906) – известный деятель в области российской промышленности: в первую очередь – горного и нефтяного дела, а также золотопромышленности. С 1867 года он был секретарем „Общества для содействия русской промышленности и торговле”, около 15 лет стоял во главе Горного департамента. Ему принадлежат публикации по вопросам политики, экономики („Русская торговля в Тихом океане”, 1883; „Суэцкий канал и его значение для русской торговли”, 1870, „Внешняя политика России и положение иностранных держав”, 1897 и др.). Много было сделано им и для переустройства Кавказских минеральных вод. Показательно, что одному из зданий Кисловодской здравницы присвоено его имя (она названа „Скальковские ванны”).

Скальковский был страстным путешественником, театральным критиком (ему принадлежит первая в России книга об истории балета), беллетристом. Его широкая натура откликалась на многие стороны современной ему жизни.

Детство и юность Константина Аполлоновича Скальковского связаны с Одессой. Он бы сыном известного в Одессе ученого-историка, Аполлона Аполлоновича Скальковского, названного тогдашней Академией Наук „Геродотом Новой России” за заслуги в области археологии, истории и статистики¹. Как сообщает в своей статье Марина Александровна Доммес, праправнучатая племянница Аполлона Аполлоновича, первое упоминание о роде Скальковских относится к концу XVII – началу XVIII века, когда „прибыл из Великой Польши и осел в с. Радогоще Сандомирского воеводства Казимир Скальковский”. Она также добавляет, что Скальковские пользовались гербом Наленч.

Этот род „дал обществу священников, военных, историков, инженеров, юристов и т.д.”².

Со стороны матери, Софьи Степановны Живкович, Константин Аполлонович унаследовал сербские корни. В „Воспоминаниях молодости” он сообщает, что его дед, отец матери, полковник Степан Живкович, был одним из „деятельнейших сотрудников Кара-Георгия”, стал впоследствии эмигрантом. Родным дядей его матери был другой известный патриот, архиепископ Филиппович, а знаменитый ученый Вук Караджич приходился близким родственником его бабушке.

Склонность к занятиям литературой Константин Скальковский ощутил в себе в детстве. Дома вместе с братом Александром, до их поступления в сентябре 1852 года в гимназию при Ришельевском лицее, он издавал рукописный журнал „Хаджибейский вестник”. Затем, уже находясь в гимназии, участвовал в создании рукописного журнала „Меркурий”, где среди прочих своих сочинений поместил повесть „Отрывки из путешествия А.Н. Брусилова” (нечто в духе походов Чичикова, как заметил позже сам автор). Показательно, что склонность к сатирическому и комическому проявилась в нем уже тогда и осталась, как представляется, главной особенностью его беллетристических сочинений. По своему жанру они ближе всего зарисовкам с натуры, а также фельетонам, выхватывающим яркое, занимательное в обыденной и исторической жизни.

Такова, к примеру, заметка Константина Скальковского „В норд-экс-прессе”, в которой он среди прочего „передает” якобы подслушанный им во

¹ К. Скальковский, *Воспоминания молодости (по морю житейскому)*. 1843–1869, Санкт-Петербург, 1906, с. 65.

² М. А. Доммес, *Род Скальковских*, „Дерибасовская – Ришельевская: Одесский альманах” 2006, № 26, с. 7.

время двухдневного путешествия по железной дороге разговор пассажиров – поляка и немца о политике Вильгельма II:

Поляк, – пишет К. Скальковский, – жаловался на угнетение. Немец, очевидно, берлинский либерал, утешал его довольно оригинально. – Наш император работает на пользу либеральной партии. Он доказал, что в Германии еще мало свободы. Она коротка, как одеяло на кроватях в немецких гостиницах. Когда свободу потянули на запад, чтобы покрыть Эльзас-Лотарингию (намек на отмену известной статьи о военной диктатуре), свободы не хватило на востоке для Познани³.

В той же, что и эта зарисовка, книге Константина Скальковского, названной им „Очерки и фантазии”, есть и „новогодняя фантазия” „Азбука отечествоведения”, написанная в форме словаря, где к каждому понятию, чаще всего упоминаемому в разговорах людей середины XIX века, приводятся его толкования, наиболее характерные для массового сознания. Приведу несколько.

Акционерные общества – см. мыльные пузыри, грабеж, караул!

Блага – земные, см. концессии, земли на Кавказе, казенные объявления, казенные дрова, награды вне правил. Блага загробные – доступны преимущественно писателям: их перестают ругать только после смерти...⁴

Дороги – см. метели, ухабы, колея, жалобные книги, обиды со стороны гг. проезжающих, клячи. Романс «Несется тройка удалая», видно, написан очень давно»⁵.

Равенство – в строю равняться не только не воспрещается, но даже предписывается⁶.

Сахалин – по словам каторжных, настоящая каторга начинается только с выходом на свободу.

Свобода – свобод очень много: свободная кассовая наличность, свободные казенные земли, свободная любовь, свободные искусства (для них даже здание на Васильевском Острове), свободные хлебопашцы и т.д. Есть меланхолики, довольные таким количеством свобод и желающие просто свободы⁷.

Из приведенных примеров становится очевидным, что составляет для автора понятие „норма”, и в чем он видит отклонение от нее. В обоих фрагментах ключевым является понятие „свобода”, а основной характеристикой действительности признаются всяческие ее ограничения.

³ К. Скальковский, *Очерки и фантазии*, Санкт-Петербург, 1903, с. 14.

⁴ К. Скальковский, *Очерки и фантазии*, с. 273.

⁵ К. Скальковский, *Очерки и фантазии*, с. 275.

⁶ К. Скальковский, *Очерки и фантазии*, с. 283.

⁷ К. Скальковский, *Очерки и фантазии*, с. 285.

В таком же стиле написано большинство страниц его „Воспоминаний молодости (по морю житейскому)”. На родство этой книги с фельетоном обратил внимание и сам автор, когда объяснял сжатость своих воспоминаний: первоначально они большей частью публиковались в газетах, где, как он подчеркнул, „объем фельетона строго ограничен”. Заметки-воспоминания начинаются кратким экскурсом в картину жизни Одессы 1840х годов, времени его детства, и заканчиваются 1860-ми годами. Константин Скальковский почти сразу определяет легкий стиль своей книги, замечая, что его воспоминания пока лишены „пессимизма”.

Картина пространства в „Воспоминаниях молодости (по морю житейскому)” гораздо шире, чем пределы Одессы. К. Скальковский описывает не только город его детства и юности, но и прилегающие к Одессе земли – имения помещиков, новоросские степи. В поездки по ним он отправлялся с отцом, который занимался историческими и статистическими исследованиями Новороссийского края. Рассказывает о „дедушке”, отставном офицере, участвовавшем в войне с турками в 1807–1811 гг., воспитавшем несколько сыновей. Все они стали военными. И лишь один остался с отцом в деревне и поэтому прослыл „философом”⁸. Книга К.А. Скальковского интересна тем, что картина царившего в описываемых им имениях патриархального уклада представлена через призму восприятия молодого человека, сформированного в атмосфере движения, деятельности, насыщенной интеллектуальной и общественной жизни. „Жизнь в Скопиевке, – сообщает Константин Скальковский, – проходила в еде и спанье”. Хотя в имении был сад, там не гуляли. Он вспоминает, как в первый день приезда предложил „философу” прогуляться по саду. На что тот ответил: „Это у вас в Одессах гуляют по бульвару... а я в этом саду не был уже лет двенадцать”⁹.

Бывали они также у другой родственницы, вдовы кирасирского офицера, приходившегося Константину Скальковскому дядей. Ее сын, офицер, погиб во время осады Севастополя. Эта женщина запомнилась Скальковскому оригинальным способом управления маленьким имением Елкино, доставшимся ей в приданое. Он шуточно замечает:

Занятие сельским хозяйством производилось по указаниям польского „Бердичевского календаря”, этого Демчинского того времени. Календарь издавался по-польски на скверной бумаге Бернардинским монастырем в Бердичеве и был запрещен после восстания 1863 г. Если „Бердичевский календарь” врал, то Софья Ивановна секла его и выбрасывала на двор под дождь в виде наказания, но когда погода изменялась, приходило предсказанное календарем „зазенбенье ауры”, или что-либо подобное, и погода совпадала с календарною, календарь снова с торжеством вносился в гостиную и служил оракулом¹⁰.

⁸ К. Скальковский, *Воспоминания молодости (по морю житейскому)*, с. 29.

⁹ К. Скальковский, *Воспоминания молодости (по морю житейскому)*, с. 29.

¹⁰ К. Скальковский, *Воспоминания молодости (по морю житейскому)*, с. 29–30.

Для Константина Скальковского Одесса начала XIX века – это город, в котором отсутствовали электричество, водопровод, а лечение заключалось в том, что „сначала полагалось рвотное, затем строжайшая диета” и наиболее популярными средствами поддержания здоровья были очищающие чаи, кровопускания, банки и пиявки¹¹. Он вспоминает чумаков, которые привозили из деревень пшеницу, а обратно увозили бессарабскую соль и другие товары. Чумаки пытались пить из моря и считали, что в Одессе много воды, поскольку ее не пьют. Памятник герцогу Ришелье они именовали „гадюкой” (калька слова „дюк” – герцог). По словам Скальковского, чумаки обходили с батогами вокруг памятника, и старики показывая молодым барельефы, изображавшие искусство, торговлю и прочее, поясняли, что это „дочки гадюки”¹².

В то же время, как признает сам автор воспоминаний, Одесса поры его детства и юности была городом активной интеллектуальной и культурной жизни. В моде, замечает он, была итальянская опера: Россини, Беллини, Доницетти, Верди, немного Меркадате; из русской музыки признавались романсы и цыганские песни. В ходу было чтение – „иначе иные и не спали как под чтение”¹³, замечает он шутливо. Самыми популярными авторами тогда в Одессе были Александр Дюма-отец, Эжен Сю, Чарльз Диккенс, Уильям Теккерей, Жорж Санд. Из русской литературы – сочинения Николая Гоголя, „Бедные люди” Федора Достоевского, первые повести Алексея Писемского, „Записки охотника” Ивана Тургенева и стихи Афанасия Фета. В Крымскую войну, замечает он, вошел в моду Лев Толстой. Скальковский, как и большинство авторов, пишущих об интеллектуальной жизни Одессы, отмечает, что уже в первой половине XIX века здесь было значительное число книжных магазинов и библиотек: у каждого помещика непременно была библиотека. Много было и рукописных книг. „Еще в начале 50-х годов, – замечает Константин Скальковский о комедии А.С. Грибоедова, – я не видел „Горе от ума” иначе как в рукописи”¹⁴.

В интеллектуальную и культурную жизнь города Константин Скальковский был включен с раннего детства благодаря тому, что дом его отца, с большой библиотекой, двумя найденными тем надписями на греческом и турецком языках, с небольшим садом, служил местом, которое „неизменно посещали все приезжавшие в Одессу ученые, литераторы и артисты”¹⁵. Одесса же тех лет, несмотря на удаленность от Петербурга и Европы, а также отрезанность карантинном, регулярно посещалась „разными интересными людьми”. Здесь побывали Бальзак, Лист, Айвазовский, Корженевский, Крашевский, Михаил Градовский. Среди тех, кого он запомнил, Константин

¹¹ К. Скальковский, *Воспоминания молодости (по морю житейскому)*, с. 4.

¹² К. Скальковский, *Воспоминания молодости (по морю житейскому)*, с. 17.

¹³ К. Скальковский, *Воспоминания молодости (по морю житейскому)*, с. 5.

¹⁴ К. Скальковский, *Воспоминания молодости (по морю житейскому)*, с. 6.

¹⁵ К. Скальковский, *Воспоминания молодости (по морю житейскому)*, с. 64.

Скальковский называет тогда еще юных великих князей Николая и Михаила, американца Вильямса, еще до Крымской войны занимавшегося проектированием железной дороги на юге России. Он вспоминает, как проходили в доме отца собрания одесского польского общества:

Особенно оживленны были собрания под Рождество, когда, по польскому обычаю, происходил обед из бесконечного числа блюд на скатерти, постланной на столе, покрытом сеном.

Считалось, сообщает он, что тот, кто вытянет из этого сена стебелек, проживет долго.

Собиралось и все местное католическое духовенство, бойкое и жизнерадостное; наговорившись внаглую о мудрости Наполеона III, вспоминали старину – Вильну, Снядецкого, Лелевеля, Фомберга, Мицкевича <...>. С последним, как известно, мой отец, живя в Москве, был в дружбе¹⁶.

Заслуживают внимания воспоминания Скальковского о гимназии при Ришельевском лицее и самом лицее, в первую очередь, благодаря зарисовкам-портретам преподавателей. Отдельные главы его книги посвящены описанию бомбардировки Одессы в апреле 1854 года.

Однако по форме изложения эти воспоминания необычны: К.А. Скальковский, как правило, сообщает о событии, но не останавливается подробно на его характеристике, деталях, цифрах. В центре его внимания – участники этих событий или же отношение к ним их очевидцев. К примеру, вспоминая о днях бомбардировки Одессы в апреле 1854 года, он описывает вид шести батарей, призванных защищать пространство города от мыса Ланжерона до военного мола. Для них, сообщает Скальковский, частично использовали каменную стену, ограждавшую в порту молы от волн, частично – земляные валы. Он вспоминает, какой красивой казалась ему картина разрывов в воздухе бомб с неприятельских судов. Однако в центре его внимания не эти внешние подробности обстановки, облика Одессы, а люди, запомнившиеся ему по какой-то причине. Так, восстанавливая в памяти события 1854 года, он главное внимание сосредоточивает на герое Щеголеве, которого на третий день бомбардировки привез в дом на обед отец и который не имел ничего общего ни с Георгием Победоносцем, ни с Ричардом Львиное Сердце:

Щеголев представлял оглохшего молодого безусого прапорщика в веснушках, с рыжими слегка опаленными волосами. Он держал себя чрезвычайно скромно, застенчиво, вовсе не рисуясь даже по получении отовсюду самых лестных поздравлений¹⁷.

¹⁶ К. Скальковский, *Воспоминания молодости (по морю житейскому)*, с. 134.

¹⁷ К. Скальковский, *Воспоминания молодости (по морю житейскому)*, с. 59.

Отдельные фрагменты картины событий 1854 года представляют собой воспоминания Скальковского о поведении священника и молившихся в Кафедральном соборе, где он оказался с братом в тот момент, когда одна из бомб взорвалась на Соборной площади, полное юмора описание того, как одесситы занялись изготовлением пресс-папье и других вещей из красного дерева, взятого ими с попавшего во время тумана на мель и захваченного в плен конной батареей и дунайскими казаками английского корабля „Тигр”, рассказ о любезном отношении жителей города к оказавшемуся в плену экипажу этого судна. Или другое воспоминание – одного из приездов в Одессу 1860-х годов (он сообщает, что в это время городским головой был Семен Михайлович Воронцов, следовательно, эта поездка могла состояться в период с 1863 по 1867 год). Сообщая о деталях жизни города, Скальковский наиболее подробно останавливается на строительстве железной дороги, соединившей Одессу и Балту, поскольку это, по его словам, было одно из самых примечательных событий, которым была „поглощена” Одесса. Речь идет о третьей в Новороссийском и Бессарабском крае дороге протяженностью 293 километра. Она строилась в течение трех лет за казенный счет. Но вместо того, чтобы приводить цифры и факты, Константин Скальковский описывает случай, благодаря которому это строительство вообще состоялось. Павел Евстафьевич Коцебу, который в то время исполнял обязанности командующего войсками Одесского округа, генерал-губернатора Новороссийского и Бессарабского края, добился того, на что, как замечает Скальковский, главное управление путей сообщения никогда не согласилось бы. И поясняет, как тому это удалось:

Коцебу как немец, записанный в остзейские дворянские матрикулы, имел высокое уважение к фамилии Унгерн-Штернбергов, одной из древнейших в Прибалтийском крае. Такое же уважение, конечно, должен был питать и другой прибалтийский немец, Рейтерн. Барон Штернберг и воспользовался этим. Большой оригинал, проведший некоторое время в Америке, он подал мысль строить дорогу солдатами, на первый раз штрафованными, уверяя, что это обойдется дешевле. Само собою, как всякий обязательный труд, работа солдат была плоха и обошлась вдвое, но главное управление путями сообщения не могло уже помешать делу, и выдумка барона положила начало сооружению на юге России целой сети железных дорог¹⁸.

И дальше следует характеристики барона Унгерна-Штернберга с острова Эзеля, которого одесские остряки прозвали „Эзелем с острова Унгерна”, чудаковатого, бойкого и даже остроумного человека.

По своему жанру записки К. А. Скальковского ближе анекдотам, то есть повествованиям, которыми „творится окказиональная (случайностная), ре-

¹⁸ К. Скальковский, *Воспоминания молодости (по морю житейскому)*, с. 161–162.

лятивистская, казусная картина мира”¹⁹, – пишет В.И. Тюпа и продолжает:

Анекдот не признает никакого миропорядка, жизнь глазами анекдота это игра случая, непредсказуемое стечение обстоятельств, столкновение индивидуальных инициатив. Бытийной компетенцией анекдотического персонажа оказывается самообнаружение его характера: инициативно-авантюрное поведение в окказионально-авантюрном мире – поведение остроумно находчивое или, напротив, дискредитирующе-глупое, или попросту чудаковатое...²⁰

Обращает на себя внимание и название книги К. А. Скальковского: в нем можно увидеть аллюзию на написанные в преимущественно комической, а в ряде случаев даже следующей традиции народной комедии, балаганного действия книге Александра Фомича Вельмана „Приключения, почерпнутые из моря житейского” (1848–1863), состоящей из пяти романов. Примечателен эпиграф к книге К. А. Скальковского, который тоже можно отнести к разряду анекдотов:

На экзамене по географии:
– Какие вы знаете моря?
– Каспийское, Черное, Житейское...
– Где же находится последнее?
– А так, зря течет...

Все это не приуменьшает серьезности описываемых К. А. Скальковским явлений и событий. Ограничимся лишь тем, что ключевой мотив плавания по морю житейскому, заданный в названии книги, наполняет это название философским смыслом. Уже в эпоху средневековья море и корабль в литературе были традиционными образами, представляющими универсальные понятия, составляющие образ мира для любого человека. „Море, – писал Дмитрий Сергеевич Лихачев, – жизнь; корабль, плывущий по житейскому морю, – человеческая судьба...”²¹.

Зададимся вопросом: почему уже такие паратекстуальные элементы произведения, как образующие его рамку заголовки и эпиграф, задают фельетонный тон повествованию, преимущественным образом близкий анекдоту. В чем причина подобной формы книги? Она, думается, определена характером натуры автора, склонного подмечать в жизни парадоксальное, обыгрывать какие-то факты. Обращение К. А. Скальковского к форме анекдота, фельетона можно истолковать также как дань времени. Но главным

¹⁹ В. И. Тюпа, *Нарратология как аналитика повествовательного дискурса („Архиерей” А. П. Чехова*, Тверь 2001, с. 14.

²⁰ В. И. Тюпа, *Нарратология как аналитика повествовательного дискурса („Архиерей” А. П. Чехова*, с. 14.

²¹ Д. С. Лихачев, *Великое наследие*, Москва 1975, с. 305.

образом мы видим в ней склонность автора к такому приему, как остарение. Его цель – представить привычное, кажущееся обыкновенным под неожиданным углом зрения и тем самым выявить какие-то существенные черты события или человека. Наконец, К. А. Скальковский и сам в предисловии к своей книге заметил, что не претендует на строго научное или фактическое воссоздание пережитого. А потому рисует какие-то важные события через призму переживания и понимания их обычными людьми. Что, кстати, дает в ряде случаев более полную картину того, что было. Ведь история – это не только официальные цифры, даты и перечень событий, но и коллективное их переживание. Не случайно Проспер Мериме, создавая свой исторический роман о событиях Варфоломеевской ночи „Хроника царствования Карла IX” (1829), опирался не на официальные документы, а на анекдоты. Он писал:

В истории я люблю только анекдоты, а из анекдотов предпочитаю такие, в которых, как мне подсказывает воображение, я нахожу правдивую картину нравов и характеров данной эпохи. Страсть к анекдотам нельзя назвать особенно благородной, но, к стыду своему, должен признаться, что я с удовольствием отдал бы Фукидида за подлинные мемуары Аспазии или Периклова раба, ибо только мемуары, представляющие собой непринужденную беседу автора с читателем, способны дать изображение человека...²²

Именно такими и являются мемуары Константина Аполлоновича Скальковского – они похожи на непринужденную беседу, помогающую нам, людям нового столетия, понять человека, общий дух жизни Одессы середины XIX века. „Конечно, это анекдоты, – замечает он сам, – но они рисуют эпоху”²³.

Библиография

- Доммес М. А., *Род Скальковских*, „Дерибасовская – Рицшельевская: Одесский альманах” 2006, № 26.
- Лихачев Д. С., *Великое наследие*, Москва 1975.
- Мериме П., *Хроника царствования Карла IX*, [в:] idem, *Собрание сочинений. В шести томах*, т. 1, Москва 1963.
- Скальковский К., *Воспоминания молодости (по морю житейскому)*, Санкт-Петербург 1906.
- Скальковский К., *Очерки и фантазии*, Санкт-Петербург 1903.
- Тюпа В. И., *Нарратология как аналитика повествовательного дискурса („Архиерей” А.П. Чехова)*, Тверь 2001.

²² П. Мериме, *Хроника царствования Карла IX*, [в:] idem, *Собрание сочинений. В шести томах*, т. 1, Москва 1963, с. 149.

²³ К. Скальковский, *Воспоминания молодости (по морю житейскому)*, с. 160.

Valentina Musiy

Odesa I. I. Mechnikov National University

**ODESSA IN THE LITERARY NOTES
OF KONSTANTIN APOLLONOVICH SKALKOVSKY**

Summary

This article focuses on memories of Konstantin Apollonovich Skalkovsky (1843–1906) – a prominent figure in the field of Russian industry of the second half of the 19th century, the author of publications in sphere of politics, economics and culture. He was born in Odessa in the family of a famous historian and an archaeologist Apollo Aleksandrovich Skalkovsky, who was called „Herodot of New Russia”. The Skalkovsky family in Russia dates back to the end of the 17th – beginning of the 18th century. The first from Great Poland came here Casimir Skalkowski. The aim of the article is to investigate the literary activity of Konstantin Skalkovsky, his books *Essays and Fantasies* (1903) and *Recollections of Youth (on the Sea of Life)* (1906), the picture of Odessa’s life in them, their genre features. Attention is drawn to the unusualness of Skalkovsky’s memories: they are close to feuilletons. They are combined with comic and philosophical, signs of journalism (reliance on facts, active dialogue with the reader), and fiction (convention, presence of subtext or allegory, widespread use of artistic expression). In the focus of attention of Skalkovsky-writer are not events, but his own or other people feelings in relation to these events, the characters and moods of people. He is not more interested in history, but in her experience by ordinary people. Skalkovsky’s books are an important source of information about the life of Odessa in the 19th century.

Key words: memories, feuilleton, journalism, fiction, Konstantin Skalkovsky.